

Пролог

Суббота, 5 июня 1895...

— Альфонс, сдвинь камеру чуть правее. Так, хорошо. Ты проверил порошок магния? Сколько пластинок ты подготовил? Четыре? Хорошо, этого должно хватить. Теперь предельная концентрация. Королевская чета все равно выйдет из музея, там ничего сорваться не может.

Фриц Фердинанд вытер пот со лба. Репортер «Берлинер Моргенпост» еще раз проверил штатив, удостоверился, что камера прочно закреплена в нужной позиции и только тогда велел своему молодому ассистенту следить, чтобы никто из зрителей случайно не прошел перед объективом. У них есть всего лишь одна попытка. Толпа перед музеем заволновалась. Замахали флагами, кое-где закричали «ура». Сердце Фрица Фердинанда забилося чаще. Вчера он как раз писал в своей сенсационной статье о последнем изобретении Гумбольдта, когда ворвался главный редактор и поручил написать передовицу об открытии императором и императрицей выставки «Пергамон»

в Новом музее. И не только. Он должен был еще и фотографии предоставить. Гумбольдт — это хорошо, но новый заказ был еще лучше. Можно было без преувеличения сказать, что это самый важный репортаж в его карьере. Статья уже у него в голове, осталось лишь записать, но вот хорошей фотографии не хватало.

Фриц Фердинанд разработал смелый план. Он решил, что сфотографирует венценосную чету, когда будет им что-то рассказывать, а они будут слушать. Место он выбирал очень тщательно. Фоном служил великолепный фасад Нового музея. Солнце светило с противоположной стороны, так что щуриться его величеству не придется. Остается только подождать, пока обе королевские особы сделают серьезные лица, и нажать на спуск.

Все очень просто. Теоретически.

Бог погоды им благоволил. Император любил роскошь и парады, но больше всего он ценил хорошую погоду. «Императорская погода», — с некоторого времени это понятие было у всех на устах. «Его величество нуждается в солнце», — эта фраза уже стала крылатой. Необходим порошок магнезия, чтобы на лице не было резких контрастов, ведь нет ничего хуже, чем глубокие тени: они старят и подчеркивают морщины. Император же был исключительно тщеславен. Если бы снимок ему не понравился, он бы его запретил.

Жизнь Вильгельма II, императора Германии и короля Пруссии, главнокомандующего германской армией,

адмирала морского флота и главы рыцарей ордена Подвязки, была нелегкой. Строгое воспитание, препятствия, внутрисполитические волнения, а теперь еще и разногласия с Англией и Францией,— трудности следовали одна за другой. Некоторые считали его слишком вялым и слабым, но народ оставался ему верным. Он являл собою воплощение благосклонного и кроткого государя. Вместе с супругой, императрицей Августой-Викторией Шлезвиг-Гольштайн-Зондербург-Августенбург он представлял монархию так, как мог: с военной роскошью, пышностью и национальной гордостью. Многие политики кричали и срывали голоса, отстаивая свои позиции, но Вильгельм оставался спокойным, как скала среди прибоя, именно это люди в нем и ценили.

Венценосная пара еще находилась внутри Нового музея, но уже появились первые признаки того, что они собираются покинуть здание. Сквозь открытые двустворчатые двери Фриц Фердинанд мог разглядеть прислугу и охранников. Несколько вооруженных до зубов солдат личной императорской охраны вышли на улицу и остановились справа и слева перед главным входом, подняв сабли в знак приветствия. Тут все и произошло. Едва отзвучали последние удары колокола Берлинского собора, как из музея на лестничную площадку вышел директор доктор Шелльмосер в сопровождении императорской четы.

На Августе-Виктории было голубое платье с короткими рукавами и серебристо-серым шлейфом, сколь-

жившим за ней по полу. Волосы у нее были уложены в высокую прическу и украшены драгоценными камнями. Вильгельм был облачен в бежевую парадную форму с черным жилетом и перепоясан оранжевым шарфом, к которому крепилась позолоченная сабля. Ордена, эполеты, начищенные до блеска сапоги, а также обязательная островерхая каска,— все это было привычной картиной. Едва их величества появились на верхней ступеньке, раздались приветственные крики и аплодисменты.

Фриц Фердинанд замахал руками, чтобы привлечь к себе внимание венценосной пары.

— Ваше величество, сюда! Фотография для «Берлинер Моргенпост», будьте так любезны.

Вильгельм повернул голову и заметил установленную камеру. Рядом с ней вертелся человек с напомаженными усами, так и блестящими на солнце. Монарх милостиво поднял руку и кивнул. Потом легонько толкнул супругу, и та тоже обернулась к камере. Фриц Фердинанд подал знак Альфонсу, и тот скрылся за светозащитной шторкой и нажал на спуск. В этот момент раздался неожиданный грохот.

Фриц Фердинанд так и подскочил. Неужели что-то случилось с порошком магия? Обычно он только шипел. Он хотел спросить Альфонса, что произошло, но увидел, как зашатался император. Со стуком упала на землю островерхая каска, Вильгельм рухнул на колени. Толпа затаила дыхание. Не успела Августа-Виктория наклониться к супругу, как еще раз громых-

нуло. Императрица вздрогнула и упала рядом с мужем. На груди у нее расплылось красное пятно.

Воцарилась мертвая тишина. Тут гвардейцы, которые до сих пор стояли, словно окаменевшие, бросились к их величествам и окружили их, выставив оружие.

В этот миг с другой стороны площади раздался крик. Мужчина в шляпе и длиннополом пальто бросал в воздух листовки.

— Смерть монархии! Долой империалистов! Вся власть социал-демократам! — его не было видно из-за бумажной метели.

Толпа еще какое-то время молчала, но потом все разом с криками устремились прочь. Как будто в курятник бросили ракету. Конные жандармы пытались удержать контроль над ситуацией, но в подобном хаосе их усилия были тщетными. Широко раскрыв глаза, Фриц Фердинанд застыл на каменной площадке посреди панически бегущей толпы. Очнулся он только тогда, когда малыш в коротких штанишках и бескомпромиссно вырвался из рук матери и бросился прямо под ноги лошади драгуна. Животное испуганно заржало и встало на дыбы. Не медля ни секунды, репортер бросился за мальчиком и выхватил его из-под копыт обезумевшей лошади. Он вернул ребенка матери, которая от страха ничего не могла сделать, только рыдала.

Пока жандармы внизу пытались выследить того, кто совершил преступление, гвардейцы наверху беспокоились о жизни императорской пары.

Один из них встал и крикнул: